

Медицина в ГУЛАГе

Лагерная медицина врачевала не только медикаментами. Попасть в больницу - значит, на время освободиться от непосильной работы, получить дополнительное питание и сон, это давало шанс выжить. Иногда спасало искусство и милосердие врачей ...

Рассказывают бывшие заключенные.

Семен Виленский – арестован в 1948 году, был в лагерях на Колыме. **Владимир Кантовский** – был дважды арестован, находился в лагерях Вятлага и Воркуты. **Елена Маркова** – арестована в 1943 году, отбывала срок в каторжном лагере на Воркуте. **Иоанна Мурейкене** – арестована в 1945 году, отбывала срок в Норильске, участница лагерного восстания. **Антонас Навайтис** – младший лейтенант авиации, арестован в 1941 году, находился в Норильских лагерях. **Симонас Нарбутас** – арестован в 1945 году, был в лагерях Коми. **Сусанна Печуро** – арестована в 1951 году в возрасте 17-ти лет, отбывала срок в лагерях Инты, Абези и тюремное заключение во Владимирском центре. **Михаил Тамарин** - был дважды арестован, был в лагерях на Колыме и в ссылке в Красноярском крае. **Юрий Фидельгольц** – арестован в 1948 году, отбывал лагерный срок в Тайшете и на Колыме. **Александр Цэцулеску** – был арестован в 1945 году как военнопленный, находился в лагерях Коми, работал лагерным врачом.

Александр Цэцулеску

Я был в комиссии врачебной. Мерили давление, но главное - как выглядели ягодицы. Если поднимаешь ягодицы, а они складываются, как пустой мешок, значит, мы его снимаем с шахты на месяц.

Сусанна Печуро

И.О.: Там была какая-то медицинская комиссия всё-таки? Хоть какая-нибудь? Кто решал, этого человека в инвалидный, этого не в инвалидный?

С.П.: А они, ну, была комиссия, которая это самое- которая устанавливала нетрудоспособность или трудоспособность на легкие работы.

И.О.: И как это происходило?

С.П.: Ну, сидело несколько врачей. Осматривали, говорили: «Так. Дистрофия есть?», «Есть», «Цинга есть?», «Есть». Слушать не слушали никогда. «Ноги распухшие?», «Распухшие».

И.О.: А кто врачи были?

С.П.: Ну, зеки. Зеки же врачи все. Вольных врачей нет.

Владимир Кантовский

Мучался я с рукой, конечно, у меня было много хлопот, так как да, не мог я, не имел права обращаться к медицине. Потому что если я обращаюсь к медицине, меня направляют в лазарет, а оттуда меня направят куда угодно.

И.О. Да, и вы в инвалидный лагерь опять.

В.К. И я в инвалидный лагерь опять. Значит, кто выступал хирургом? Я сам. Вскрывал себе. Это все вот так вот вздуется. Я знаю, что деваться некуда. Остро наточить ножи у нас умели, в электроцехе всегда был какой-нибудь заменитель спирта. Обожжешь – протрешь...

Елена Маркова

У меня начался опять рецидив рожи, как в этом подвале в мельнице первый раз, и температура поднялась до сорока градусов. Вся нога, как это, языки пламени. Это есть симптом такой рожи, когда краснеет, краснеет нога, и называется это – «языки пламени». У меня эти языки пламени. Ая Абрамовна даёт распоряжение положить меня в госпиталь на пересылке, где не каторжане, а ИТЛ. И что вы думаете? Меня положить не могли. Я каторжанка. Меня с сорокоградусной температурой, с этой рожей, где слоновая нога. Нога становится, как слоновая. Это тоже термин - «слоновая нога». Меня отправили этапом больную, с сорокоградусной, пешком на девятую шахту. Вот, как я, если подробно, как я, первые мои шаги в каторжном лагере.

Значит, мы подходим к каторжному лагерю. Я, значит, больна. Причём, меня женщины поставили в центр колонны. Если бы я была с краю, я бы зашаталась. Шаг влево, шаг вправо, конвой стреляет без предупреждения. Меня просто конвой по ходу убил бы. А так, я в центре, меня окружают люди и как бы толкают вперёд. Вот так меня спасли, между прочим, во время этапа. Когда нас пригнали к этой первой нашей каторжной зоне и начали опять пересчитывать, и так далее, я просто уже от температуры потеряла сознание. И меня быстро взяли в санчасть. То есть, я ОЛП номер, шахты номер девять, и я сразу не в шахту попала, а я попала в санчасть. Значит, мне хотели там ногу отрезать, между прочим. И я уже в полубморочном/. Потому что у меня там началось запустение рожи, начался там некроз такой. И врач сказал, надо резать. Причём, я почти без сознания, но я кричала: «Не надо резать! Надо лечить! У меня рожа была уже в тюрьме и меня вылечили». И так они оставили, причём, не было лекарств там. Через вольнонаёмных, стрептоцид или что-то ещё там. И меня всё-таки спасли и ногу не отрезали.

Антонас Навайтис

У меня начал болеть зуб. Пошёл я к врачу, Латывис, латыш был такой, Фридманис, хороший врач. Но, у него были только одни клещи, и больше ничего. Он мне сказал: «Знаешь, Навайтис, надо вырвать твой зуб, иначе никак». Я говорю: «Так надо заморозку, заморозить его». «Нечем. Нужно рвать так». «Ну, надо, так надо. Давай». И начал он вырывать мой зуб. Зацепил зуб, потянул, зуб треснул и сломался. Я тоже сломался, упал, и он весь в поту. Ну, потом, всё равно будет плохо, если не доделать. Он взял ножницы такие

врачебные, и стал резать по живому. Я упал в обморок, он вывел меня на воздух, немножко подышали. Он говорит: «Ну, пойдём». «Нет, не надо ничего. Не могу, доктор, не могу!». Потом он взял с меня расписку, что я отказался вырывать зуб. Вечером я ходил.

Утром я не могу открыть рот. Тогда меня положили в больницу, в лагерную больницу. И, знаете, в конце недели у меня уже температура больше сорок одного градуса. И я даже написал жене письмо, прощался. И передал такому авиатору [имя нрзб, по-литовски]. «Если вернёшься, передай жене это письмо».

Симонас Нарбутас

Мне появились большие боли в груди. Я уже с трудом мог залезать только на верхние нары. А, иной раз, и даже не мог пойти в столовую. И – большие боли в груди – я не мог дышать. Дышишь: чем глубже дышишь, тем больше болит. Я пошел в санчасть. Говорю: вот такое-то дело. О/. Фельдшер, потом я узнал, что это был фельдшер, посмотрел. Температуры нет. «Ой, - говорит, - это все пройдет».

И, таким образом, я шестого апреля был послан на работу. Ну, я уже еле жив был. Так что бригадир мне дал вместо/, норма пять метров, отмерил только три – у самого вахтера. Не вахтера, а – конвоя, конвоира. И вот, дали лопату. Я, знаете, не могу поднять/. И, при попытке поднять эту лопату – у меня большущая боль в груди. Я не могу, не могу/. Там прокопал немного снегу, и лег в этот снег. Ну, конвоир кричит: «Поднимайся! Стрелять буду!» Стрелять – ну, стреляй. А я уже - у меня сил уже никаких нету. Ну, это, знаете, попасть в больницу, это – большущее счастье. Я думаю: настолько счастлив, опять теряю сознание. Но я счастлив до бесконечности, что на работу мне завтра не надо будет идти. Ну, положили. Оказывается, у меня была температура, не знаю – сколько, то ли тридцать два.

Ну, и у меня появилось кровохаркание. Я харкал кровью, они думали: оттого, что я избит. Так как у меня прекратилось это кровохаркание, послали анализы в Ветлосяны. И у меня признали открытый туберкулез.

Юрий Фидельгольц

Я там заболел туберкулезом, у меня начались кровотечения из горла. И врач, ну там собственно не врач, а жена начальника режима, она, по-моему, такое же отношение имела к медицине, как я, предположим, к луноходу какому-нибудь. Ну, просто жена числилась начальника режима, ей тоже нужно было какую-то должность занимать в лагере в этом, вот ей придумали это, эту должность, начальник санчасти. И она только следила за тем, чтоб не было симуляции. Вот она, значит, присутствовала при осмотре моем и единственное, чего она боялась, это как бы я, значит, не/, не претворялся больным. А у меня была субфебрильная температура, как у всех туберкулезников, то есть вечером температура до 38 с чем-то, а утром ее нет. Так она мне два раза измеряла, вечером и утром. Утром не было температуры, и она мне говорила: «Вот, выбирай одно из двух, или ты идешь на работу как симулянт, или я тебя в карцер посажу за нарушения режима и как за отказ от работы». Вот. И я ходил на работу. И как только я брался за лопату, сразу у меня возникал жар. И вот дело дошло до того, что опять я начал прямо обливаться кровью. Я чуть было на нее не харкнул кровью, потому что у меня уже шла эта кровь изо рта. Но

меня из бригады рабочей переселили в инвалидную бригаду, в инвалидный барак, и там каждый день снимали крючками мертвых, рядом со мной, которые умирали люди, а я ждал спокойно своей участи, вот. И думал, что, дай Бог, еще пожить немножко и полежать, отдохнуть от всей этой работы невыносимой.

Михаил Тамарин

вдруг мне, понимаете, стало плохо. Я, помню, подошел к столбу, начал, крутится, начал ныть, подошли ко мне, ну потом, значит, я упал, и меня отвезли в этот самый барак, который назывался медпунктом. Понимаете, деревянный такой, понимаете, да, и туда пришел врач. Врач был такой Токмаков Алексей Степанович, да. Очень интересный человек, заключенный, и определил у меня гнойный аппендицит. И в эту же ночь, значит, света не было, он дал указания зажечь свечи, и там стояли эти мужики, санитары, зажгли свечи, и он при свечках, понимаете, сделал операцию, да. Удалил там все, то, что нужно, и положили меня в палату. А в палате, понимаете, лежал я несколько дней, у меня высокая температура поднялась, и он предложил срочно опять на операционный стол, в чем дело было, воспалительный процесс. И мне сделали, у меня знак такой вот, так один раз, а потом, понимаете, поперечно. Поперечно разрезали, понимаете, воспалительный процесс, и потом опять меня в палату. Ночь, когда ночь, приходишь, врач, температура высокая и меня вышвыривают в коридор, мол, все, все равно безнадежный. Вот так два или три раза меня в коридор выбрасывали, а утром опять возвращали, приходят, а у меня сердце работает, меня опять в палату. Вот так, я помню, два или три раза.

Александр Цэцулеску

я там заразился дизентерией. Температура 39-40. Меня положили в больницу. А в это время покупатели рабов пришли взять свои/, рабов, невольников. У меня температура 40. Меня вызывают к начальнику ОЛПа, Белаев был такой-то, помню. Говорит: «Ну что, доктор, болеешь?» Я говорю: «Конечно, я еле нахожусь». Дали мне градусник под одной подмышкой, второй подмышкой, во рту - сорок и с десятками, говорят: «Вы докажете, что вы на самом деле болеете». Я говорю: «А как доказать?» - «Снимите штаны, докажете». Дали мне газеты большие. Это было самое страшное унижение для меня как человека и как врач, не верить, что я симулирую, да? Второй, не верить, что я с температурой, что я умирающий человек. Когда я испражнялся чистой кровью, он говорит: «На самом деле болен, наверное, уйдет на том свете». Меня еще держали неделю пока понос, кровавый понос кончится, и отправили с двумя вертухаями из Ухты на Воркуте. Мы сутки ехали. Не кормили, кого кормить, кому нужно умирающего человека-то.

Иоанна Мурейкене

Ну, нас спасло, нас спасла эпидемия, брюшной тиф. Одна заболела, другая заболела, и потом эпидемия. И наш барак закрыли совсем, потому что уже много заболело. И нас закрыли, окна заколотили, двери закрыли, бочку поставили на свои нужды. Бочка и всё. И мы так рады были сначала. Сначала были рады, от такой тяжёлой работы нас спасли, но потом, как началась высокая температура, бред. Знаете? Метались женщины, как не знаю, которые уже без сознания, так ту забирают и увозят куда-то. Куда, мы не знаем, не

вернулись они. Но а другие переболели. Ни нам лекарства, какие, ни нам ничего. И мы как-то пережили, переболели.

Сусанна Печуро

Потом, когда я попала в Абезь, там была, конечно, смертность высокая. Ну, Абезь – это было самое тяжелое, потому что это инвалидный лагерь. То есть, там уже ничего. Это вот та самая последняя черта. Люди тяжело больные, старые, абсолютно потерявшие не то, что всякую надежду, а всякое представление о том, что вот всё-таки жизнь. Уж нет никакой жизни. Смертность громадная. Лечить на самом деле никого никак не лечит. Я там одно время была медсестрой в стационаре. И вот стационар это обычный двухрусный барак, 300 человек и все вперемешку. Тиф, сифилис, воспаление лёгких, шизофрения, инфаркт. Вот так. И кто за ночь умрёт, тот умрет. Кто не умрёт, ну, может, умрёт в следующую ночь, а может, вообще, выживет. И, вот, ночные дежурства там/. Они умирают, а ты сидишь и плачешь. Потому что сделать не можешь ничего.

Семен Виленский

Я в мертвецкой оказался там. Меня, совершенно чудом меня вынесли, открыла дверь девочка, которая по распределению попала на Колыму, она не знала еще расположения этой барака – санчасти, и вдруг в мертвецкой, и там шевельнулся человек. То есть, меня вынесли еще живого.

И.Щ.: а вы туда попали как доходяга?

С.В.: ну да. И она завопила там на все, в ее кабинетик меня отнесли, эта девочка меня выходила, да, вот, да.

Использованы интервью:

Семена Виленского (Москва), Владимира Кантовского (Москва), Елены Марковой (Москва), Иоанны Мурейкене (Вильнюс, Литва), Антонаса Навайтиса (Вильнюс, Литва), Симонаса Нарбутаса (Вильнюс, Москва), Сусанны Печуро (Москва), Михаила Тамарина (Москва), Юрия Фидельгольца (Москва), Александра Цэцулеску (Москва).

Сценарий:

Алена Козлова, Ирина Островская (Мемориал - Москва)

Оператор:

Андрей Купавский (Москва)

Виктор Гриберман (Рига)

Монтаж:

Себастьян Присс (Мемориал - Берлин)

Йорг Сандер (Sander Websites - Берлин)